

■ Редакционная статья / Editorial

Российские миллениалы — поколенческая сингулярность. Фиаско в конструировании русского европейца?

Е. Ш. Гонтмахер, А. Ю. Согомонов

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Гонтмахер, Е. Ш., & Согомонов, А. Ю. (2025). Российские миллениалы — поколенческая сингулярность. Фиаско в конструировании русского европейца? *Образовательная политика*, 21(2), 24–40.

© Гонтмахер Е. Ш., Согомонов А. Ю., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4 License. The content is available under a Creative Commons Attribution 4 License.

Поступила: 30.06.2025
Принята: 23.07.2025
Дата публикации: 20.09.2025

Евгений Шлемович ГОНТМАХЕР

д. э. н., профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы, Российский государственный социальный университет

(107150, РФ, Москва, ул. Лосиноостровская 24, стр. 1), AuthorID: 300275, e-mail: GontmakherESh@rgsu.net

Александр Юрьевич СОГОМОНОВ

к. ист. н., ведущий научный сотрудник, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук (109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр.1), e-mail: sozi@mail.ru

Краткая история понятия

«Русский европеец» — отнюдь не строгое научное понятие, хотя у него довольно долгая история. Казалось бы, оно образовано из двух совершенно понятных по смыслу слов, но почему-то именно в их сочетании рождается нечто семантически нечеткое, непрозрачное и отчасти подозрительное.

Считается, что «русского европейца» ввел в лексический оборот В. С. Соловьев на рубеже

XIX–XX вв. (причем, скорее, как образную метафору, нежели как философскую категорию) в необычной работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце мировой истории». Прежде отечественная мысль обходилась без этой словесной новации. И даже несмотря на высокую степень открытости к европеизму, прежде всего к европейскому стилю мышления и базовому набору ценностей, в наш долгий век русского Просвещения два вышеупомянутых слова так и не сложились воедино. Людей с ярко выраженной проевропейской культурной ориентацией, подобных Карамзину, Вяземскому и Герцену, могли просто именовать европейцами — без иронии или осуждения, однако все же не в буквальном значении этого слова. В XIX веке дебаты между западниками и славянофилами никак не способствовали их риторическому сближению.

Следует помнить, что в нашей культуре европейскость всегда противопоставлялась русскости и наоборот, в зависимости от философской позиции мыслителя. При этом подчеркивалась либо оппозиционность этих феноменов, либо их культурно-историческая взаимозависимость. Но в XVII–XIX вв. их синтез также не воспринимался в качестве термина для обозначения полиидентичности русского человека, русской идеи и русского пути.

Европейскость и русскость считались само собой разумеющимися, но живущими отдельно друг от друга нарративами. Реверансы в адрес европейскости предполагали признание зависимости нашей ментальности от западного рационализма и политической философии просветительства, в то время как поклоны в сторону русскости означали, напротив, принятие православной теософии и мистической историософии в качестве незыблемых стержней нашей идентичности, что зачастую ошибочно принималось за русский консерватизм.

И лишь Владимир Соловьев смог преодолеть глубинную конфронтацию русскости и европейскости, разместив их в универсальном проекте европейской христианской культуры. Все-таки Европу он считал центром христианской ойкумены, а Россию — ее имманентной частью. Его интеллектуальные усилия во многом оказались бесперспективными. Не обретя твердой почвы, синтез русскости и европейскости так и не состоялся в проектном измерении, хотя само словосочетание в XX в. вошло в публичный словарь. Периоды сближения и взаимного отдаления русскости и европейскости многократно повторялись в новой и новейшей истории, каждый раз не оставляя особых надежд на окончательное примирение этих понятий¹.

И вот что любопытно: с регулярной периодичностью тема русского европейца всплывает в связи со сменой поколений, особенно во время кризисов и публичного осознания необходимости

глубинных реформ и переосмысления русского пути как идеологемы не стабильности, а прогресса и развития и русской идеи как синонима отечественной теории модернизации. Сегодня же, оглядываясь назад, мы вправе говорить о российской колее истории, подспудно имея в виду именно эту цикличность: *ни один политический проект движения вперед с опорой на класс обновленного поколения русских европейцев, не завершился полноценным успехом*. Более того, если конструирование такого поколения превращалось в фундаментальную общественно-государственную цель, то как бы мгновенно включался обратный ход и происходила деконструкция как концепции

ВОПРОС ПРЕДПОЛОЖЕНИЯМ СТАРШИХ ПОКОЛЕНИЙ, ВСЕ ЕЩЕ РАНОВАТО УВЕРЕННО ЗАЯВЛЯТЬ, ЧТО МИЛЛЕНИАЛЫ ПОЛНОЦЕННО ВОШЛИ В ОБЩЕСТВЕННУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ВСЕЙ ПЛАНЕТЫ И, В ЧАСТНОСТИ, РОССИИ

¹ Возвращение интереса гуманитарной науки к этой теме в недавние времена состоялось благодаря, прежде всего, трудам прекрасного культуролога В. К. Кантора.

«нового поколения», так и всего подспудного политического целеполагания.

В новейший период постсоветской истории была предпринята очередная попытка модернизации страны, тотально увязанная с тактикой поколенческого разрыва. И вновь общество погрузилось в цивилизационную непрозрачность на фоне нескончаемых разговоров о скрепах, приверженности к традициям и чуждости западному пути.

Но все это, по сути, не помешало тому, что нынешний этап российской модернизации связан с гармоничным вовлечением страны в жизнь глобального мира. А в нем самом происходят чрезвычайно похожие процессы социальных и культурных преобразований на базе смены поколений. Новые генерации теперь уже повсюду перестали быть акторами исключительно на национальных площадках. Они демонстрируют сходную логику действий и способов самопознания. Это делает всестороннее осмысление новых молодых поколений едва ли не самой важной научной задачей сегодня.

Постановка задачи

Кто же они — нынешние новые поколения и, в частности, миллениалы? Среди читающей публики, пожалуй, не осталось тех, кому не знакомы эти ярлыки: бумеры, миллениалы, зетки, альфы и т. д. Все эти номинации неслучайны, хотя кажутся совершенно формальными. Так, с помощью понятия «миллениалы» психологи пытаются обозначить поколение Y, которое сложилось накануне миллениума во второй половине 1980-х и в первой половине 1990-х гг.

Миллениалы должны характеризоваться как *поколенческая сингулярность*, отличная от иных поколений. При этом внутри группы рядовые миллениалы также могут включать в столь же различные «низовые» сингулярности на уровне малых групп и отдельных индивидуумов.

Не будем уходить в дебри научного спора и, вопреки некоторым весомым контраргументам, признаем, что миллениалы — это *все-таки демографическая*

реальность некоей общепланетарной судьбы, пусть даже и с явными характеристиками квантовой перспективы. Они, очевидно, выступают не традиционным объектом теории, а порой превращаются в самодостаточных и независимо ни от чего действующих субъектов в формулировании собственного диагноза и прогноза.

Как хорошо известно, чисто демографическая заданность не обязательно формирует поколение как социокультурную реальность, что и порождает жаркие споры. Более того, в подобных дискуссиях наблюдается любопытная цикличность. Скажем, лет 5–10 назад преобладали публикации, в которых описывались якобы четко просматриваемые характерные черты поколения Y. Сегодня, похоже, тренд сменился на противоположный, и гораздо чаще в литературе отрицаются какие-либо существенные различия между младшими и старшими поколениями и утверждается, что люди разного возраста будто бы отличаются друг от друга не больше, чем рожденные под разными знаками зодиака.

Конечно же, инструменты эмпирического измерения поколенческих субкультур весьма ненадежны или, по крайней мере, не бесспорны, а посему нередко порождают один псевдонаучный артефакт за другим. Но если попытаться понять *не особенное настоящее поколений*, а предугадать *вектор их* дальнейшей социокультурной эволюции и потенциальный *вклад* в мировую историю, то общее понимание приобретает более четкий характер. Ведь цивилизационные перемены (а также связанные с ними надежды и ожидания) извечно переносились в зону ответственности именно «новых молодых» и обретали в массовом сознании некий объективированный статус.

В итоге уже в нашем столетии общественная планка ожидаемых сингулярных трансформаций постоянно отодвигалась в будущее. И несколько лет назад для большинства из нас совершенно внезапно наступило время тектонических сдвигов. Даже пандемия логично вписалась в этот глобальный перелом. Однако вправе ли мы приписывать ответственность за

такие перемены какому-либо конкретному нынешнему поколению? А если нет, то кто виноват в этих сдвигах? Равно и наоборот: если да, то каков вклад в них именно миллениалов? Попытаемся немного разобраться в этой сложной для исследований глобальной социокультурной динамике.

Даже беглого просмотра специальной литературы достаточно, чтобы обнаружить типичную логику ученых: почти все они пытаются объяснить миллениалов, определив, насколько они отличаются от предшествующих поколений бумеров и X. Но мало кто задумывался, способны ли они сейчас и в будущем возглавить мировой исторический процесс (причем совсем необязательно понимаемый как прогресс). Похоже, вопреки предположениям старших поколений, все еще рановато уверенно заявлять, что миллениалы полноценно вошли в общественную и политическую жизнь всей планеты и, в частности, России.

Мы отдаем себе отчет в том, что решить такую поисковую задачу сложно, но попытаться это сделать очень заманчиво. Мы поставили данную цель на исходе драматических пандемийных лет, чтобы достичь ее в самом начале 2022 г. И вот что любопытно: все происходившее далее послужило прекрасным тестом на корректность и валидность нашего понимания миллениалов как сингулярного поколения.

За кем будущее? За миллениалами

Правомерно предположить, что пройдет совсем немного времени и люди поколения Y займут лидирующие позиции в политике, бизнесе, социальной сфере, управлении

и креативных индустриях. Что произойдет тогда? Станет ли привычный мир другим, зато соответствующим поколенческой субкультуре миллениалов? Или это все наивные мечтания пожилых людей? Действительно ли будущий мир когда-либо станет корреспондировать *миллениальной «инаковости»*? Если так, то можно ли предвидеть контуры грядущего в настоящем, разобравшись, конечно, в групповом сознании, привычках, стиле мышления, амбициях и чувствах этих молодых людей?

Ведь и раньше, когда менялись поколения, то менялась и сама жизнь. Каждая новая генерация приблизительно раз в 25–30 лет приносила с собой свои ценности и коллективные представления, отражавшиеся в логике и моделях их социальных действий. А поколенческая смена внутри элит способствовала глубоким общественным трансформациям и переменам в национальной повестке дня. Подобные транзиты редко проходили без трений и часто приводили

к серьезным столкновениям между отцами и детьми, что зафиксировано в культуре и научной традиции. Всю историю последних двух-трех столетий иногда представляют в виде перманентного конфликта между поколениями. Более того, во второй половине XX века не раз были засвидетельствованы межпоколенческие «бойни» (вспомним хотя бы студенческие бунты 1968 г. или молодежный активизм накануне развала соцлагеря). Но отсюда не вытекает, что в ближайшем будущем нам следует ожидать нечто похожее. Историческое торжество миллениалов, если оно и случится, вполне может развиваться по иному сценарию. Но вот по какому?

случайно сложился и закрепился в науке стереотип об инфантилизме миллениалов и продуцируемой этим фактором «нежности» всего поколения. При этом в понятие инфантилизма вкладывался разный смысл, но клеймо, похоже, уже не снять

Во-первых, нормативная смена поколений — это пока лишь красивая гипотеза, которую было бы ошибкой принять за аксиому. Плавные и бесконфликтные изменения в обществе могут оставаться едва заметными и не всегда могут быть отнесены к «заслугам» молодых поколений. Во-вторых, не раз в истории случались «пустые» в социокультурном смысле, то есть не участвовавшие в глобальном развитии поколения. И более того, ценностная динамика совсем необязательно привязана именно к смене поколений. В-третьих, перемены могут быть, в свою очередь, отраженным проявлением всеобщего старения населения, что влияет и на нашу поколенческую оптику. Нечто подобное происходит сегодня во всем мире. «Молодежный» статус постоянно пролонгируется в средние демографические когорты (к примеру, возраст молодого ученого уже продлен до 45 лет), а по факту пожилые люди еще долго духовно и физически остаются «молодыми» и страстно желают контролировать весь мировой «театр».

Гипотеза о влиянии молодежи, очевидно, не подтверждается мировой практикой. Абсолютно некорректно однозначно утверждать, к каким последствиям могут привести у нас в стране и в мире сегодняшние весьма хаотичные, подспудно вызревающие ценности и коллективные установки молодых людей.

Предполагать можно все что угодно, но тогда каждый думающий человек способен сформулировать свою картину будущего, и, вероятно, быть в чем-то правым.

Поколенческие транзиты были и, очевидно, останутся многофакторной и мало понятной историей. Многие прогнозы ранее являлись незамысловатым гаданием на кофейной гуще, что не мешает им оставаться такими и сегодня. И чтобы наши рассуждения и, главное, прогнозы обрели бы более весомый характер, мы, как исследователи, должны сами погрузиться в аутентичный мир жизненной философии и смыслов российских миллениалов, а также с их помощью и при их непосредственном участии предпринять новую попытку коллективной рефлексии.

Миллениалы: между бытием и становлением

Семантика и философия поколений сложна для анализа. Неслучайно социальная наука в последние пару столетий продвигалась по пути их познания черепашьюм ходом. Существует бесконечное множество эмпирических замеров, а понимания остается мало. Например, обязательны ли для строгие временные рамки для определения того, что есть одно поколение? Или *единичное поколение* — это, скорее, *не столько демографическое (общая генерация), сколько социокультурное явление*, predetermined значимыми историческими событиями? Или детерминированное внешними контекстами и социокультурной динамикой всего мира?

Те, кто привык синхронизировать «поколения» исключительно с возрастными когортами, очевидно, отдают предпочтение плоскому видению прошлого и настоящего, сводя и то и другое к наблюдаемым простым физиологическим циклам, а посему они неизбежно теряют богатство исторических смыслов и культурных значений. Кто же видит, подобно Карлу Мангейму, в поколениях отраженную событийную реальность, приходят к эвристическим выводам, когда в одном возрасте (то есть в одной демографической когорте) обнаруживают разные культурные поколения. Или, напротив, когда одно такое поколение в застойные периоды мировой или национальной истории «растягивается» на несколько возрастных страт.

Синтезировать столь разные исследовательские перспективы в целостный методологический подход пока никому не удалось. Может быть, поэтому все большее число экспертов сходятся в допущении того, что «коллективное поколение» — это все же явление *интуитивное* и в значительной степени зависимое от научной *оптики наблюдателя*. Безусловно, «поколение» предстает неким *конструктом*, интеллектуально выстроенным и отражающим, как в зеркале, прежде всего, установки самих исследователей. И, таким образом, мы сталкиваемся здесь вновь с состоянием *сингулярности*, причем как в теоретическом

познании поколения, так и в эмпирически обозреваемой его практике жизни. Не случайно к методологии сингулярности сегодня приковано внимание многих социальных ученых, а сам термин превратился в модное словечко.

Но неужели нам тогда придется признать, что за «поколениями» маячит лишь иллюзорно воображаемая реальность? Да, придется, но лишь отчасти. Подобно тому, как в современной физике «эффектом наблюдателя» называют такую теорию познания материального мира, согласно которой даже простое обозрение любого природного явления неизбежно изменяет его как научный объект, так и в изучении поколений: очень многое зависит от вкусов, предпочтений и исследовательских подходов наблюдателей. То есть *реальные поколения* всегда неизмеримо сложнее любых их описаний и толкований. Выход, говоря языком кантовской гносеологии, лишь в *целостном воображении поколения*, которое само по себе обнаружить сугубо *эмпирически невозможно*. Миллениалы, как воображаемое поколение, попадают в эту когнитивную западню. Все понимают, что жесткая привязка к возрасту ограничивает исследователей, и соглашаются, что главная черта поколений — это все же не возраст. Однако, рассуждая о миллениалах, мы имеем в виду, прежде всего, молодых тридцатилеток. Совершенно очевидно, что все они очень разные, но наука упорно пытается объединить их в *единую совместность* и наделить общими чертами двух видов идентичности: бытия (being) и становления (becoming).

Так, в частности, когда-то случайно сложился и закрепился в науке стереотип об *инфантилизме* миллениалов и продуцируемой этим фактором *«нежности»* всего поколения. При этом в понятие инфантилизма вкладывался разный смысл, но клеймо, похоже,

уже не снять. Миллениалов также нередко именуют поколением Питера Пэна. Но и от этого ничего яснее не становится. Подобного рода метафоры ведут исследовательский ум в никуда. Какое-то время назад для миллениалов был придуман специальный неологизм kidults, соединивший в себе два слова kids (дети) и adults (взрослые). На первый взгляд, это слово схватывает некую сущность, но более вдумчивое погружение в жизненный мир миллениалов показывает, насколько такой и подобные ему вердикты поверхностны и легко опровергаются эмпирическими наблюдениями. Впрочем, важнее то, что такие метафоры уводят нас в сторону от научного конструирования поколенческой идентичности.

В результате «миллениалы» превратились в системно не обозреваемое и все же совокупное поколение. Они, по сути, являются *символическим образом*, существованию которого мы обязаны лишь воображению представителей более старших поколений, у которых есть свои причины на его создание. Во-первых, отечественные миллениалы сформировались в условиях свободы как первое «свободное племя». Или, как шутили пару десятилетий назад, миллениалы есть «первое свободное от порки» поколение в России. Во-вторых, они абсолютно открыты и толерантны к глобальному миру в сравнении со «старичками». В-третьих, они уже на старте обладали богатым опытом мобильности внутри родной страны и за ее пределами, что революционным образом сказалось на их мировоззрении. И, наконец, в-четвертых, в их публичной и приватной риторике лишь едва-едва уловимы нотки нигилизма. Почему это важно? Да прежде всего потому, что в отечественной истории каждая смена поколений всегда начиналась, как правило, с фундаментального отрицания того, что

МОРАЛЬНАЯ СВЕРХЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ МИЛЛЕНИАЛОВ ПОКА ОСТАЕТСЯ ВНУТРИ НИХ САМИХ И НЕ ПРИВОДИТ К АКТАМ ОТКРЫТОГО НЕСОГЛАСИЯ

совокупно приписывалось состоянию status quo. Поэтому нигилизм неизменно лежал в фундаменте всех серьезных конфликтов отцов и детей, да и не только в тургеневскую эпоху.

С уверенностью можно утверждать, что приход миллениалов в России знаменовал собой очередной исторический дисконтинуитет. Культурная и социальная преемственность была ими прервана (но все же не очень понятно, ими ли). Сегодня для них «старички» олицетворяют собой другое государство, другое воспитание и другую нравственную культуру. Все то, что было свойственно старшим, миллелиниалам уже не дано или ими выброшено.

Несмотря на общий контекст и внешние обстоятельства, все же вырастают совершенно разные молодые люди, лишь формально аффилированные с поколением миллениалов. И чтобы преодолеть ожидаемое возражение об их «разноликости», мы прибегли к уточняющему понятию core-generation («сердцевина поколения»). С его помощью удастся выделить узкую внутреннюю группу, маркированную, хотя и не строго, границами всего сообщества. В миллениальной субкультуре core-generation отчетливее просматриваются их поколенческие тренды, а главное — идентификационные смыслы бытия и становления, столь необходимые для фиксации ответов на вопросы «откуда?» и «куда?» они пришли.

Миллениалы и их внутренний мир: метод вживания

Дабы не воспроизводить бытующие об этом поколении социально-психологические стереотипы, мы отказались от базового посыла представить их в виде «объекта», не стали дистанцироваться от миллениалов как внешние наблюдатели и тем самым преодолели искушение сыграть, по Декарту, роль «чистых» субъектов исследования. Мы не противопоставили их другим поколениям, а главное, не сотворили из них привычный для эмпирической науки постигаемый объект. Напротив, подобно «кротам» мы предприняли

попытку проникновения в их внутренний мир с целью осуществления совместного с ними же познания их аутентичной философии жизни.

Для этого мы предложили группе «продвинутых» миллениалов (из числа core-generation из многих городов и регионов РФ) открытую дискуссионную площадку, на которой в клубном режиме регулярно обсуждали фундаментальные проблемы сегодняшнего мироустройства, предлагая участникам разные экспертные позиции и возможность аргументированно высказываться, в том числе и в письменном виде, в форме постдискуссионной рефлексии.

Около года в карантинных условиях функционировал Zoom-клуб, а итоговый объемный коллективный текст, состоящий из устных выступлений и кратких авторских рефлексий, предоставил отличную *возможность* пристальнее взглянуть на идейные, интеллектуальные и эмоциональные тренды довольно узкого, но, как нам кажется, вполне репрезентативного core-generation для всего поколения миллениалов. Это помогло сформулировать более или менее целостную картину их мировоззрения (на их же языке и в их логике), на основании которой можно предложить общие выводы и даже аппроксимативные прогнозы на не столь далекое будущее.

Позднее стало понятно, что выбранный нами метод гораздо эвристичнее для понимания социальной философии поколений, чем хаотичный поиск нюансов в их ценностях и установках через количественные опросы, качественные методы, наклеивание ярлыков или тиражирование бесконечных и чаще всего недостоверных диагнозов.

Миллениалы: иные и очень разные

Анализ специальной литературы и интернет-постов показывает, что мифы о миллениалах выстроены в единой логике. Вначале в виде гипотезы ака наблюдения конструируется якобы присущий всему этому поколению смысло-жизненный принцип или постулат, а из него выводятся частные характеристики поколения. И при этом, как правило, все

забывают, что исходный постулат сам был сформулирован как гипотеза, которую еще нужно доказать. Например, принято думать, что миллениалам свойственна стратегия минимизации энергетических затрат, а из этого уже выводится мысль, будто бы они не разделяют философского убеждения о том, что нужно много трудиться, дабы хорошо зарабатывать. Отсюда ставится ложный диагноз: раз для миллениалов лень не порок, то и «медитация на диване» — вполне себе развивающий человека деятельностный мотив.

Нет сомнений в том, что ценность свободы выбора в жизненной философии миллениалов преобладает над плохо унаследованной из прошлого идеей об обязательной и всеобщей трудовой повинности в современной экономике. Получается, что состояние покоя для них — вполне себе истинная и вожденная метафизическая цель. Но как раз эту изначальную гипотезу нам ни в каком виде не удалось подтвердить в дискуссиях в группе core-generation. Да, они часто высмеивают погоню за деньгами, презирают офисное «рабство», не принимают бесконечное, в том числе показное потребительство. Все эти коллективные настроения следуют, скорее, из их солидарного *антикапиталистического* настроя. Воистину миллениалы отрицают классическую трудовую мораль — этику скромности, честности, усердия и прилежания. Но все это ни в коей мере не сближает их со сторонниками левой уравнительной идеологии. Они действительно во многом другие и обычно не повторяют классических шаблонов социального поведения современного типа.

По нашим наблюдениям миллениалы лишь кажутся мягкими анархистами и умеренными гедонистами. Они, безусловно, являются *самодисциплинирующимися трудягами*, что по понятным причинам сегодняшними «старичками» воспринимается как нечто

аномальное и совершенно несвойственное социальному образу «нормального человека». На самом деле, миллениалы — совсем не инфантильные лентяи, коими их нередко выставляют в литературе. Просто им присуще *иное* представление о *жизненном успехе*. И поскольку успех в культуре классического модерна жестко привязан к деньгам/славе/собственности, то и возникает ложное впечатление, будто бы миллениалы, презирая почти все из этого, якобы отрицают и саму идею успеха. Конечно же, нет. Просто их доктрина успеха имеет принципиально иной культурный анамнез. Их успех в большей степени корреспондирует новой идеологии труда, полуформализованной работы, спонтанного потребления и не жесткой занятости в цифровом обществе. Они, скорее, мотивированы моделью свободной и легкой самозанятости, проектным типом жизнедеятельности, гибкими офисными графиками, возможностью сочетать несколько работ одновременно, а с недавних пор еще и дистанционным характером труда. Они решительно принимают то, что пугает и отталкивает «старичков» из-за опасений больших социальных рисков. Миллениалы же не пугаются этого всего и легко идут на любые перемены. Разумеется, последователями трудовых новаций являются не только миллениалы (может быть, даже и не столько они), но, очевидно, что их большинство среди активных сторонников новой трудовой морали.

Участие миллениалов в политике: за и/или против

Представители миллениальной группы core-generation — реалисты и одновременно социальные критики. Как же это возможно? Мы действительно не обнаружили в их среде ни бунтарства, ни классического

УВЕРЕННО МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МИЛЛЕНИАЛЫ СТАЛИ ПЕРВЫМ ЦЕЛОСТНЫМ РОССИЙСКИМ ПОКОЛЕНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ЭМПАТОВ

молодежного нигилизма, ни, что, пожалуй, главное, возрастной склонности к анархизму. Складывается впечатление, что сегодняшние миллениалы в целом разделяют *универсальную* институционально-нормативную рамку современного обустройства социальной сферы, политики и экономики. Для них свобода, демократия, права человека, рынок, верховенство права — абсолютно естественные атрибуты, в том числе в их мире актуальной социальности. Но при этом они категорически не склонны позиционировать себя как либералов. Похоже, этот и ему подобные ярлыки для них — сущие пустышки.

Но вот что любопытно: миллениалы при этом решительным образом не принимают существующие *практики их реализации* ни в России, ни на Западе. Их скептицизм — отнюдь не врожденное общественное чувство, имеющее не «диванное» или камеральное происхождение. Этот скептицизм выступает, скорее, результатом сугубо этической рефлексии собственного же практического опыта общественной жизни в разных мировых контекстах. Практически они нигде не находят для себя морального умиротворения от практик реализации модернистских норм и институтов. Но это коллективное переживание, в свою очередь, не подталкивает их к протестам или хотя бы к публичной критике. *Моральная сверхчувствительность* миллениалов пока остается внутри них самих и не приводит к актам открытого несогласия. Они так и не стали «наследниками» Болотной и в общей массе предпочитают воздерживаться от участия во всякого рода «маршах несогласных». Для них не типична также и логика релокации: хотя многие миллениалы в начале СВО все-таки покинули страну, похоже, что большая их часть уже вернулась.

У такого парадоксального *комплекса социальной волнительности*, безусловно, есть много причин. Вспомним хотя бы то, что миллениалы выросли в условиях беспрецедентного в отечественной истории недоверия к власти, разочарования в больших идеях и тотальной аполитичности. Возможно, в силу этого они одновременно и адепты,

и противники самого проекта под названием «современность», и поэтому непонятно, какие коллективные эмоции возобладают в их среде.

Они действительно социализировались абсентеистами и политическими одиночками, то есть по большей части наблюдателями, а не акторами. Аполитичность служит им жизненной ширмой от нежелательного вовлечения в политику. Но как только на горизонте их повседневного бытия возникает реальный интерес, они забывают о пассивности и политической лени и с головой окунаются в локальные водовороты соучастия. Стоит им столкнуться с непреодолимыми препятствиями для своей подлинной причастности к общественной жизни, как неожиданным образом они вновь обособляются от внешнего мира и заново замыкаются в более комфортном мире самих себя.

Этот непростой для изучения тренд лежит в основании все еще не раскодированного этоса миллениалов. Складывается устойчивое впечатление, что они только *нравственно не приемлют* современную цивилизацию. Именно нравственно (но никак не социально) и лишь просто не приемлют (а не пытаются бороться с ней). Суждения об актуальном мировом времени на базе эквилибристики -измами для них в целом нетипично. Миллениалы не отрицают свободное и открытое общество капиталистического образца как нормативную модель модерна, но при этом решительно отвергают его морально-этически, то есть именно с точки зрения практического разума, а не больших теорий. В их групповом сознании отсутствует и преклонение перед какими-либо образцами мысли или большими идеями, и авторитеты всемирно признанных интеллектуалов. Они отвергают свойственное «старичкам» мышление альтернативами и дилеммами типа «или-или». Им куда ближе социальная логика «и-и». Вот почему, наверное, миллениалы по природе своей и не левые, и не правые, и не склонные к политическим компромиссам центристы. Критичность к актуальным нормам и практикам не делает их сторонниками левых экспериментов или последовательного консерватизма. Они равнозначно толерантны к либералам

и коммунистам, при этом искренне сомневаются в глобальных перспективах по сценарию социал-демократии или тем более либертарианства.

Моральный облик личности и воля политика вытесняют в электоральном сознании большинства миллениалов всякий идеологический «хлам». В итоге они голосуют не за политические ярлыки, а за персон, если вообще в дни голосований доходят до электоральных урн, что дается им с большим трудом. Они чаще все-таки не доходят. При этом неважно, какого масштаба выборы — федерального, регионального или местного, потому что они в любом случае миллениалами зачастую «по барабану», как те сами высказываются по этому поводу.

Можно утверждать, что миллениалы *всегда* выступают за *здравый смысл*, который в их головах обоснован нравственными принципами в политике — честностью, справедливостью, открытостью и равенством возможностей. Вопрос о том, насколько корреспондирует эта картина мира ценностям и нормам «трампистской революции», мы себе не задавали, но тут есть над чем задуматься.

Надо сказать, что миллениалы почти всегда настроены на позитивный, но далекий от утопизма, романтизма и идеализма лад. Это характеризует не только их коллективные умонастроения, но и принципы реализации себя в профессии, которым они безоговорочно следуют. Похоже, что *здравый смысл российских миллениалов произрастает почти исключительно из этических ценностей, заложенных в них глубоко и основательно*.

В то же самое время они не расположены к макроэкономическому мышлению — за редчайшими исключениями тех из них, кто профессионально занят биржевыми делами, бизнесом или криптовалютными операциями. Их мало трогают экономические выкладки, аналитика и прочая прогностика. Правда жизни миллениала заключается в том, чтобы полагаться не на чужую экспертизу

и расчеты, а только *на свою адекватность и «правильность»*, даже если это может привести к ошибкам или неудачам. Медийную трескотню на экономические и политические темы они, как правило, пропускают мимо ушей.

Впрочем, многое меняется в текущей обстановке, и нередко волею судеб миллениалы оказываются в пространстве гражданского активизма. Они не испытывают, в отличие от большинства «старичков», никакого априорного почтения к властям, в том числе местным, и не страдают синдромом подданнического коленопреклонения. В их коллективных представлениях авторитет зарабатывается, а не автоматически прилагается к статусу.

Миллениалы отнесутся уважительно лишь к тем должностным лицам, которые своей деятельностью и человеческим обликом отвечают их социально-этическим представлениям. Более того, мы вправе допустить, что некоторые российские миллениалы на самом деле не только не самоустраняются от участия в политической жизни, особенно локальной, но и часто предпринимают попытки основательно включиться в нее — избраться на депутатские позиции, занять административные посты. К неудачам на ниве политико-биографических траекторий миллениалы относятся легко и без лишних сантиментов.

Им совершенно не присущ страх перед человеком власти. Они готовы вступать с ним в диалог, публично отстаивать свои принципы. Правда, каким образом и при каких обстоятельствах они все же пойдут на компромиссы с властью, пока нам уловить не удастся. Очевидно лишь, что миллениалы из группы core-generation, скорее всего, ориентированы не на карьерное участие, а на *гибкую вовлеченность* в местную гражданскую жизнь (подобно тому, как они обустривают свои рабочие ниши). Кроме видимой и вполне осязаемой пользы, эта сфера привлекает их интересом и психологически заряжает на позитив. Соответственно, они, как

С ИЗВЕСТНОЙ ДОЛЕЙ УСЛОВНОСТИ
НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЯ
МИЛЛЕНИАЛОВ МОЖНО ОТНЕСТИ
К КЛАССУ РУССКИХ ЕВРОПЕЙЦЕВ

правило, безразличны к партийной жизни. При необходимости, конечно, они способны легко перемещаться по политическому полю, но с безусловным тяготением в сторону политики с *этической повесткой* (к примеру, они с радостью принимают «зеленых» или похожих на них корпоративных акторов). И если их посещает разочарование, то, нисколько не сожалея, они разрывают отношения с любыми партийными группами. Разумеется, в их среде остается немало людей, готовых к политической карьере на принципах чистой лояльности, но, как нам показалось, даже они испытывают от подобных ситуаций внутренний дискомфорт.

Если кратко сформулировать возможную историческую роль миллениалов в актуальной политике, то, вероятно, следует ожидать, что они не будут пытаться что-либо изменить в ее основаниях. Напротив, они постараются вернуть ее в лоно общечеловеческих ценностей. В этом смысле политическая миссия миллениалов — это *гуманизация политического пространства, а не его деконструкция*.

Следует признать, что эта гипотеза сформулирована нами на базе анализа их сегодняшних настроений и намерений, склонности к миролюбию и неприятию войны и насилия. Но что может произойти в ближайшее время, поистине невозможно спрогнозировать даже в общих чертах. Если вдруг российские миллениалы увидят в текущей политике эффективный инструмент изменения реальности в сторону большего Добра, они не преминут принять в ней участие. И все равно у них останется моральное сомнение: побрезгую ли я и наплюю на все ненужные сантименты или пойду вперед в одиночестве, но своей дорогой? Похоже, что выбор в каждом случае будет сугубо индивидуальным: общие модели не просматриваются.

Не приходится сомневаться, что доктрина *гуманистического (или морального) капитализма* отечественных миллениалов вполне может на практике обернуться такой же социальной иллюзией, как и политика «социализма с человеческим лицом» в прошлом веке. Более того,

привести русский мир к очередной черте глубинной конфликтности, с еще более катастрофическими последствиями, что мы наблюдали ранее и сейчас. Очевидно лишь одно: *миллениалы не пришли спасти этот мир и не способны его переделать*.

Проектировать, как моральные ценности миллениалов схлестнутся с институциональной природой современной политики, малоперспективно и бессмысленно. Их поколенческое внимание пока всецело сосредоточено не на минимизации конфликтов и насилия, а не на угрозе мировой войны. В первом случае от них требовались бы конкретные шаги и ответственные действия, а во втором от их участия ничего не зависит, и они это прекрасно понимают и следуют пути наименьшего сопротивления.

Такие вот особенные миллениалы. Они с удовольствием вписываются в сетевую политику, но к чему вообще могут привести цифровые инструменты в политической сфере, им поистине ведать не дано. Одним словом, в общей массе миллениалы выступают, скорее, как *активные зрители*, нежели искренние *деятели*. Они предпочли роль трезво мыслящих созерцателей, жаждущих торжества морального добра и здравого смысла. И не более того.

Новый социальный разворот: миллениалы в социуме

Гипертрофированно этический взгляд на социальную жизнь отчетливо проявился в дискуссиях о более устойчивом, эффективном и «правильном» общественном устройстве. Не путаем с «идеальным» устройством: все-таки миллениалы предпочитают говорить и думать о реальном, а не о должном. В подобного рода обсуждениях они не настроены ни радикально, ни даже умеренно реформаторски. Да и вообще реформы — не их интеллектуальная стезя. Коллективная позиция по вопросам общественного совершенствования формируется на платформе не конкретных дел, а практической реализации принципов честности и справедливости. Ровно такой же подход миллениалы исповедуют в отношении проблем мира и войны.

Better society видится им не просто как пространство равных возможностей без сегрегации, а, прежде всего, как высший *гарант* социального прогресса в сторону большего, пусть и элементарного равенства с точно оговоренным набором компонентов. Рассуждая таким образом, миллениалы умело извлекают тему равенства из поля политики и переносят ее в гражданскую сферу. Воистину, что при этом они никого не обманывают и не обманываются сами.

Миллениалы довольно часто выступают *идейными адептами введения безусловного базового дохода*. Это, конечно же, обусловлено их поколенческой стратегией на личную самореализацию и тактику энергосбережения. Вспомним, что безусловный базовый доход расширяет возможности именно биографического поиска, гарантируя элементарное выживание, и почти ничего не дает для реального благосостояния. Очевидно, миллениалы не хотят никому, кроме самих себя, быть обязанными своим скромным достатком. А ведь они действительно очень чувствительны ко всяким проявлениям откровенного неравенства в современном обществе и поэтому готовы увидеть в безусловном базовом доходе верный залог на достижение *«наивной» справедливости*. Глобальный мир в их представлении должен быть основан на конкретных выигрышах всех сторон, а это уже концепция из багажа «всеобщей справедливости» и глобального гражданского общества.

Не следует забывать, что российские миллениалы выросли и социализировались в условиях победившей *экономики счастья* и, вероятно, поэтому считают для себя важной *установку* на наращивание культурного капитала. Они хоть и рационалисты, но для них не существует голого экономизма (когда прибыль превыше всего) или чистого политического прагматизма (когда государственный интерес предопределяет соотношение цели и средств и ставится выше прав человека). Для них экзистенциально важна ценностная отдача от труда и общественной деятельности. Поэтому их поколенческую культуру мы предлагаем определить как амальгаму

идеологий — скромного достатка, наивной справедливости и умеренной рыночности.

Это первое подобное целостное поколение в отечественной истории. Миллениалы настроены на самореализацию. Они не рвутся к сверхблагам, но и не хотят испытывать никакой нужды, ибо ценят комфорт во всех его проявлениях. Правда, во имя такой судьбы они не готовы ничем пожертвовать.

Они делегируют ответственность за честность и справедливость в мирной жизни и на полях военных баталий преимущественно представителям старшего возраста. Однако участие многих миллениалов в военных конфликтах, как нам кажется, не особо противоречит такому эмпирическому выводу. Примечательно при этом, что ответственность там, где требуется хорошая физическая форма и выносливость, они передают молодым зеткам; а там, где важны опыт и мудрость, — «старичкам».

И все же неверно полагать, что миллениалы перекладывают проблемы неравенства и несправедливости на плечи старших и государства. Они с радостью включаются в гражданскую жизнь, участвуют в волонтерской деятельности. Их *гиперморализм окрашен в цвета «добрых» поступков*: они помогают другим, занимаются благотворительностью, участвуют в добровольческих акциях, а сегодня помогают и фронту. В этом смысле уверенно можно сказать, что отечественные миллениалы стали *первым целостным российским поколением социальных эмпатов*.

Они свободны от типичных для нашей культуры психо-идеологических недугов. Им не свойственно враждебное отношение к Западу. Они не тяготеют к глобализацией, не заражены постсоветской имперскостью, не болеют ностальгией по социалистическому застою, о котором, кстати, знают лишь понаслышке. Но они и не мыслят себя гражданами мира. Их *космополитизм носит весьма условный характер*. Они везде, не только на родине, но и за ее пределами могут чувствовать себя комфортно, как дома. При этом они ценят превыше всего свой коллективный Дом и отчетливо видят российскую национальную специфику, но и не идеализируют ее, и не

критикуют излишне. Эта *интуитивная мера* — их главное достояние. Вообще же, миллениалы не демонстрируют никакого преклонения ни перед кем и ни перед чем. Их социальное мышление гораздо ближе к античному *стоическому образцу*. Достаточно вспомнить кредо стойков, чтобы лучше понять сегодняшних молодых: полагайся на себя и измени отношение к тому, что не можешь исправить. Стоический «ген» поистине четко проявлен в мировоззрении российских миллениалов.

Дуализм поведенческих стандартов

Объяснить дивергенцию политического и гражданского в сознании «старичков» несложно. Они выросли в среде двоемыслия; в их поколенческой культуре все еще безраздельно господствуют архаические стереотипы. Для них публичность идет исключительно от власти. Но в то же время включенность в высшие административные сферы ими чаще не одобряется. Миллениалы более корректны в политическом смысле и поэтому гораздо четче интерпретируют смыслы публичного пространства. Они вновь проводят этическую грань между политическим и гражданским, для них это разные и не обязательно пересекающиеся реальности. Политическое начало дистанцированно, причем оно не подвластно моральным оценкам и по факту, и в массовом восприятии. Оно холодное и не притягивает к себе. Гражданское же однозначно более близкое, теплое и стимулирующее к соучастию. Кроме того, если политическое поле в их групповом сознании представляется темным и маркированным *негативными значениями*, то гражданское прозрачно и отделено от большой политики и по этой причине ими реабилитировано. Миллениалы искренне мотивированы на активную частную жизнь в противовес участию в политике, особенно если карьеризм сопровождается неприятной для них борьбой за власть. Свое гражданское вовлечение они считают делом праведным и благородным. В их восприятии это поле не просто окрашено *позитивными*

нравственными значениями, но и считается прагматичным и удобным для пробы сил. Такое видение помогает миллениалам реализовать коллективное желание быть полезными. И поэтому они видят себя, без сомнений, в домене нарождающегося в стране гражданского общества. Именно этот дуализм объясняет их *деполитизацию* и отчасти сознательную отстраненность от всяких властных уровней, ибо они считают политику связанной с *неправедными* целями и средствами. Миллениалы не хотят заниматься тем, чего не понимают, а если отчасти и понимают, то нравственно не одобряют. Впрочем, этот дуализм отнюдь не говорит в пользу наивности общественно-политического мышления миллениалов. Скорее наоборот, их философия проактивной жизни ориентирует все совокупное поколение на поддержание *низовой общинности*, а не на личное встраивание в сложившиеся государственные властно-административные «клетки» со всеми вытекающими *репутационными и моральными потерями* для себя и своего окружения. Разумеется, это жизненное правило не абсолютно, и не следует ожидать буквально от всех миллениалов следования исключительно логике субсидиарной активности, хотя внутренний тренд в группе coге-generation, как нам показалось, направлен именно на *театрализованный локализм*. Там «квасному патриотизму» (выражение европейца Петра Вяземского) остается все меньше места, хотя в целом они его так и не отвергли.

Туманное будущее

По ряду причин миллениалы болезненно переживают наступление в отечественной политике новой эпохи fin de siècle, а события последних 3–5 лет они расценивают еще и как крах традиций в практиках властного контроля. Миллениалы воочию убедились в силе нарастающих локальных — гражданских и этнокультурных — конфликтов и сопротивляются вовлечению в них. Нет, они не подвержены моральной панике в связи

с нарастающим хаосом и административной зачисткой публичного поля. Все это для них как будто бы вполне естественные и предсказуемые процессы, но именно они создают негативный фон для перехода миллениалов в следующую демографическую когорту. *Главная поколенческая проблема* и одновременно загадка миллениалов в том, что у них все еще не сформирован *образ будущего*. Нет видения того, что придет на смену российскому традиционализму, и не проявлены контуры постсовременного (=посттоталитарного) обустройства жизни. Без преувеличения можно сказать, что в их поколенческом сознании ничто из будущего не прояснено ни концептуально, ни символически. Конечно, никому не ведомо, что за эпоха наступит лет через 10, в которой наши миллениалы достигнут возраста акме. Но сегодня все в ней абсолютно сокрыто от их понимания — в смыслах, идеях и социальных формах. Может поэтому они и не торопятся взрослеть. И тем более они не задумываются о своем возрасте акме. Тяготение к низовому активизму в режиме grassroots и сдержанно аскетическое переживание магнетизма и непреодолимой мощи российской колеи истории становятся для них важными протекторами от психозов и депрессии. Ведь нельзя же уйти, полагают они, из своего ближнего окружения; а то, как будут решаться национальные задачи, зависит, как мы видим, никак не от усилий конкретных людей из их поколения, а только от системы, жесткости трендов и непредсказуемого случая. Поэтому их пока вполне устраивает роль зрителей. Совершенно несправедливо при этом лишать миллениалов всякого прогностического взгляда. Но он гносеологически не сконструирован и, скорее, просто состоит из множества разнородных оптик, порождающих неорганизованные настроения, которые быстро меняются от неподдельного азарта до полного безразличия. Будущее, пожалуй, их не особенно заботит. Помощи «старичков» они не ждут, а на себя полагаться пока не готовы. Да, миллениалы в меньшей степени подвержены влиянию пропаганды и СМИ, чем другие поколения. Но

при этом они сформированы российской школой, претензии к которой с их стороны пока, скорее, чисто формальные, чем институциональные или программные. Образовательные «скрепы» препятствуют формированию критического мышления и навыков конструирования будущего. И это касается в одинаковой степени и средней, и высшей школы. Пока непонятно, каким образом придется разорвать этот замкнутый круг. Важно подчеркнуть, что сложившийся тупик в поколенческом познании будущего нетипичен для нашей страны. В прошлом почти все трансформационные скачки (к примеру, в 1917 или 1991 гг.) осуществлялись в ситуации более или менее четкой картины желаемого будущего. Время, конечно, показало их иллюзорный характер, но тогда без них невозможны были ни мобилизация населения на гражданское соучастие, ни общенациональное целеполагание. Иллюзорные картины грядущего выступали двигателями прогресса и инструментами гражданского просвещения. Их отсутствие сегодня создает поистине патовую ситуацию: объективные перемены вряд ли *состоятся, будучи не сопровождаемыми* картинами субъективно востребованного будущего. Для людей старшего поколения это исторический тупик; для совсем молодых — не сформированный запрос; а для миллениалов — когнитивный диссонанс. А раз нет образа будущего, значит, не следует ожидать и солидарного отношения к переменам, честной конкуренции разных сценариев преобразований. В демократической политике без системно-программных дискуссий лоскутное будущее разорвет любое поколение в клочья. И тогда неприятностей жди уже со стороны людей старшего возраста, ибо они вправе будут заявить о себе, как о поколении, единственно ответственном за судьбы страны. В условиях же дефицита воображаемых перспектив *геронтологическая диктатура* может выступить реальной угрозой и будет выглядеть самым пессимистическим прогнозом для страны. Туманное будущее и актуальный режим жизни в духе sagre diem — все это ментальные *полуфабрикаты* группового сознания миллениалов, мешающие

дальнейшему их вызреванию как действующих и ответственных акторов.

В этом смысле нас совсем не удивило, насколько легкомысленно миллениалы относятся к своей старости. Их собственный биографический закат никак не включен в индивидуальные горизонты планирования. Помышлению они деятели настоящего, а не творцы будущего. Для выстраивания же длинной перспективы им нужны гарантированные и неизменные институциональные правила. Именно их наши миллениалы не обнаруживают в сегодняшнем социокультурном поле России. Нельзя сказать, что они переживают и как-то горюют по этому поводу. Миллениалы продолжают жить так, как им живется.

При этом они с неподдельным интересом наблюдают за публичными обсуждениями проблем старости и пенсий, не проецируя ничего из этого на самих себя. В лучшем случае они держат в голове поколение родителей. Вот почему, наверное, не стоит ждать от них особого рвения и глубокого погружения в нарративы и программы возрастов дожития и постепенного дряхления общества. Этим сюжетам они уделяют внимание по остаточному принципу.

Миллениалы — новые русские европейцы?

По мере реализации проекта Zoom-клуба у нас оставалось все меньше сомнений в том, что миллениалы и есть *первые последовательные европейцы* в постсовременном опыте страны. Они свободны во многих смыслах, но главное они свободны от так называемых скреп и большинства предрассудков прошлого. Европейцами они являются еще и потому, что не видят альтернатив западному универсализму в ценностях, общественных установлениях и институтах. Но при этом они остаются не совсем европейцами по стилю мышления, социальным привычкам, образу жизни и набору институциональных установок.

Впрочем, закономерен вопрос: а кому еще, как не миллениалам, сегодня быть первыми европейцами в России? Они родились в переломный момент истории и не знакомы

с опытом советского тоталитаризма и жизни за железным занавесом. Для них свободные путешествия по Европе — уже никакая не экзотика, а повседневная банальность. Они европейцы еще и потому, что получили образование, свободное от жесткого идеологического диктата. Все их знание о прошлом есть опыт воображения непрожитой истории. Им не приходится озира́ться по сторонам света в подтверждении своей национальной самобытности. Они художнико-заговорили на иностранных языках, что качественно изменило их поколенческую культуру.

Впрочем, не станем обнадеживать себя: российские миллениалы все-таки *особенные европейцы*, а точнее сказать *неевропейские европейцы*. На их коллективную идентичность по-прежнему влияют «старые» инструменты самопознания. Они постоянно держат в уме разнообразие своей страны. А в силу ее природных и климатических особенностей, географической растянутости по горизонтали и огромным расстояниям они сами затрудняются считать себя *«обычными»* европейцами, постоянно возвращаясь в разговорах к собственной неевропейскости. Точнее: *не совсем европейскости*, но уже и не русскости, как предпочли бы самоидентифицироваться их праотцы.

С известной долей условности нынешнее поколение миллениалов можно отнести к классу русских европейцев. Как и их далекие предки из XIX века, они весьма навязчиво противопоставляют себя остальному «совсем не европейскому» российскому народонаселению. Они, как и в царский период, вновь сочувствуют «новым крепостным», но точно так же, как и раньше, не знают, что делать с подобными проявлениями социальной несправедливости. Они смиряются с условиями «нового самодержавия», и при этом смотрят на Европу с унаследованным от далеких предков «великодержавным» пренебрежением. Они постоянно думают о родине и пытаются строить жизненные планы, исходя из представлений просвещенного европейского разума.

Есть все основания всерьез опасаться того, что и российские миллениалы могут

повторить незавидную судьбу политически нерешительных, хоть и интеллектуально рафинированных «старых» русских европейцев, в одночасье сгинувших в революционном водовороте начала прошлого века. Согласитесь, совсем незавидная историческая судьба, но, увы, весьма вероятная в качестве грандиозного поколенческого финала.

Событийные лакуны и поколение миллениалов

Но вернемся вновь к плодотворной гипотезе К. Мангейма о том, что важнейшим фактором образования гомогенного поколения была и по-прежнему остается его приобщенность к значимым историческим событиям. Сквозь призму такого подхода можно говорить о поколениях войны, оттепели, перестройки и т. д. В коллективной биографии отечественных миллениалов пока еще не случилось таких событий (кроме текущего военного конфликта), которые бы обозначили целую эпоху актуальной истории страны. Если, конечно, не считать, что вся сознательная жизнь миллениалов прошла в одних политических условиях и при одном верховном правителе. И это, скорее, не яркое и задающее смысл событие, а *печальная карма* для всех поколений — не только для наших миллениалов. Да, они были свидетелями целого ряда судьбоносных инцидентов, подобно терактам начала нулевых, окончанию тучных лет, присоединению Крыма, началу СВО и наступившего после этого радикального изменения внешней политики государства. Но, похоже, что ничего из этого так и не стало историческим событием, консолидирующим целое поколение. Все эти большие эпизоды текущей современности не стали для миллениалов по-особому *символически значимыми*. Они — не дети Болотной, не соучастники глобального распада «русского мира» и не партнеры для «старичков» в текущей специальной военной операции, и, скорее всего, они не станут и самыми активными эмигрантами. Иными словами, российские миллениалы — люди *без событийной*

солидарности. Для них даже крах Советского Союза, заставший часть из них в самом юном возрасте, не стал символом поколенческого обновления. Все перечисленное — это лишь отдельные факты их коллективной биографии, словно вырванные из календаря отечественной истории случайные листочки. Мангейм, очевидно, лишил бы их статуса социокультурного поколения.

Для людей старшего возраста распад страны приобрел значение главного *смысложизненного переживания*. Союз был и остается зримым спутником их текучей современности. Они живут с Союзом, и неважно при этом, борются ли они с ним или ностальгируют по его кончине. Миллениалы же совершенно не намерены превращать подобные факты нашей недавней истории в символические рубежи во имя конструирования культурно-исторической идентичности. А посему складывается впечатление, что они бесчувственны как к тем, кто считает, что «слава богу, Союз развалился», так и к их оппонентам, которые видят в развале самую большую геополитическую катастрофу. Миллениалы вполне осознанно не участвуют в этом магистральном для нашей страны культурном конфликте.

Советское прошлое для миллениалов отнюдь не живая, а застывшая в текстах и устных преданиях, то есть умершая и посему уже *чужая* история. Даже когда они мысленно обращают свои взоры к великим личностям (скажем, к фигуре Сталина), они оперируют, скорее, готовыми шаблонами, заимствованными у бабушек и дедушек, то есть даже не у родителей. Их можно заинтересовать темой сходства «эффективных менеджеров» первой величины «славного» прошлого и невнятного настоящего, но даже в этом случае они, скорее, полагаются на заимствованные образцы сравнения, чем на собственный ум и опыт. Конечно, ужасы тоталитаризма они осуждают, но без эмоционального всплеска в отличие от людей старшего возраста. Итог: историческая память миллениалов, равно как и их коллективное переживание настоящего, — не суть ключевые факторы их социокультурного «взросления».

Общественное кредо миллениалов

«*Не мешайте!*» Конечно же, этот емкий и выразительный призыв не отражает всего разнообразия «требований» миллениалов к более «взрослому» обществу и к государству. Но, похоже, он отражает их наиболее глубинное ожидание, связанное с поколенческим раскрепощением, дебюрократизацией и уходом государства из жизненно важных для них сфер. Они рано научились мыслить свободно и столь же свободно хотят поступать сегодня. Инфантилизм и патернализм миллениалов, как нам представляется, являются совершеннейшими мифами, выгодными только поколениям «старичков». Ни то ни другое в принципе не корреспондирует их мировоззрению, тем более практикам реализации себя в профессии.

Печальный прогноз (вместо заключения)

Наибольшая угроза успешности исторической миссии миллениалов исходит от демографии. Быстрый рост продолжительности жизни, сохранение en masse «старичками» лидирующих позиций в бизнесе, культуре

и политике и их расчет на свое здоровье и медико-технологический прогресс — все это неизбежно приведет к тому, что миллениалы реально сменяют поколение родителей, когда достигнут в лучшем случае предпенсионного возраста. Такого затяжного чередования поколений пока еще не бывало в мировой истории.

Но в таком случае новые русские европейцы не состоятся уже чисто как демографическая когорта, а не только как социокультурное поколение. Увы, вероятнее всего, они так и сохранятся в памяти потомков лишь как очередное «потерянное» (а точнее: «стертое») поколение, условно маркированное латинской буквой Y. Дверь в яркое и креативное будущее фундаментальных трансформаций, очевидно, приоткроется только для следующих поколений — Z и A.

Впрочем, и это лишь благостная гипотеза, хотя и тщательно охраняемая «старичками», ведь для них «юнцы» пока еще не представляют никакой реальной угрозы, а что будет после — дожить бы! Что произойдет на самом деле с самыми юными россиянами, когда они немного повзрослеют, не будем даже загадывать, ибо реальность может не состыковаться ни с одной из сегодняшних фантазий.

Russian Millennials as a Generational Singularity. A Fiasco in Constructing the Russian European?

Evgeny Sh. Gontmakher

PhD in Economy, Professor, Head of the Department of Social and Social Work Institutions, Russian State Social University (1/24, Losinoostrovskay Str., 107150, Moscow, Russian Federation), AuthorID: 300275, e-mail: GontmakherESh@rgsu.net

Alexander Yu. Sogomonov

PhD in History, Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Sociological Research, Russian Academy of Sciences (5/1, Bolshaya Andronievskaya Str., 109544, Moscow, Russian Federation), e-mail: sozi@mail.ru

TO CITE Gontmakher, E. Sh., & Sogomonov, A. Yu. (2025). Russian Millennials as a Generational Singularity. A Fiasco in Constructing the Russian European? *Educational Policy*, 21(2), 24–40.

© Gontmakher E. Sh., Sogomonov A. Yu., 2025

Received: 30.06.2025
Accepted: 23.07.2025
Date of publication: 20.09.2025

